

Отзыв официального оппонента

о диссертационном исследовании Марии Александровны Молиной «Порядок слов в хеттском языке: корпусные методы и анализ в типологической перспективе», представленном на соискание степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Диссертация М. А. Молиной «Порядок слов в хеттском языке: корпусные методы и анализ в типологической перспективе», посвящена проблемам, лежащем на стыке хеттологии, генеративной лингвистики, корпусной лингвистики и типологии. Настоящий отзыв посвящен в первую очередь хеттологическим аспектам обсуждаемого исследования, а также смежным вопросам дисциплин, относящихся к специальности 10.02.20. Хочется надеяться, что отзыв второго оппонента будет содержать более детальное обсуждение других достижений данной диссертации.

Учебники и грамматики хеттского языка содержат расхожее и в целом верное утверждение о том, что базовым порядком слов в данном языке является SOV. При этом отклонения от базового порядка слов в хеттском простом предложении обычно рассматриваются как исключения. Для них могут предлагаться объяснения от случая к случаю, часто обладающие ограниченной дескриптивной адекватностью и как правило не основанные на обсуждении общих принципов хеттского синтаксиса. Хорошим примером подобного подхода традиционной хеттологии является объяснение хеттского отрицания в начальной позиции как маркера риторического вопроса, обсуждаемое в Главе 3. Данное положение дел является тем более прискорбным, что многие другие аспекты хеттской синхронной грамматики, такие как, например, расщепленная эргативность или особенности структуры придаточных относительных предложений, давно уже оказались предметом теоретически информированных исследований. Поэтому представленная на защиту диссертация обладает высокой степенью научной актуальности.

Прежде, чем перейти к обсуждению других аспектов диссертации, следует сделать оговорку относительно ее соотношения с недавно вышедшей монографией А. В. Сидельцева *Синтаксис простого предложения в хеттском языке* (Москва: Яск, 2017). Как уже вино из ее названия, предмет монографического исследования научного руководителя М. А. Молиной близок к предмету исследования обсуждаемой работы. То же самое нельзя, однако, сказать о методологии и целевых аудиториях их исследований. Монография А. В. Сидельцева исследует порядок слов с точки зрения формального представления структуры клаузы в генеративной лингвистике и в первую очередь направлена на введение фактов хеттского языка в научный обиход последователей Н. Хомского. Она непроста для усвоения традиционных хеттологов, не обладающих подготовкой в области формального синтаксиса. В методологическом плане также можно отметить ограниченный интерес к статистической верификации выдвигаемых гипотез в монографии А. В. Сидельцева, что, впрочем, является

характерной идиосинкразией лингвистов-генеративистов. Напротив, диссертация М. А. Молиной скорее ставит своей целью иллюстрацию полезности категориального аппарата современной теоретической лингвистики для адекватного описания хеттской грамматики. Основное внимание в работе уделяется коммуникативной организации хеттского текста, которая почти не исследуется в монографии А.В. Сидельцева. Неотъемлемой частью целевой аудитории данной диссертации оказываются как раз специалисты по хеттскому языку, а статистическим методам отводится ключевая роль в доказательстве выносимых на защиту положений.

Следует также оговорить, что исследования А. В. Сидельцева и М. А. Молиной проводились на материале различных корпусов. Ситуация, когда лингвист предлагает аспиранту провести исследование по определенной теме на основе собранного и аннотированного им корпуса является частой и не вызывает этических нареканий. Однако учитывая интерес М. А. Молиной и ее научного руководителя к сходным проблемам хеттского синтаксиса, разделение эмпирической базы позволяет избежать впечатления о том, что диссертант ограничивает свою задачу экспликацией чужих результатов для новой целевой аудитории. Поэтому следует всячески приветствовать стремление М. А. Молиной обосновать все выносимые на защиту положения эмпирическими данными с собственной «кухни», хотя это и привело к существенному увеличению времени, необходимого для написания диссертации.

Обсуждению состава корпуса и проблемам его аннотации посвящена первая глава диссертационного исследования. Данная глава, разумеется, имеет вспомогательный характер, и ее содержание не отражено в выносимых на защиту положениях. Вместе с тем, выделение истории создания корпуса в отдельную главу представляется композиционно удачным решением. Она, среди прочего, призвана дать представление о тех специфических трудностях, с которыми сталкиваются исследователи, занимающиеся сбором и классификацией статистически значимого материала по мертвым клинописным языкам. М. А. Молина откровенно пишет о своих успехах и неудачах, и чтение первый главы позволяет охарактеризовать ее как добросовестного и увлеченного молодого исследователя, постепенно приобретающего дополнительную специализацию корпусного инженера, что включает в себя навыки компьютерного программирования и взаимодействия с профессиональными программистами для решения специальных задач.

Ключевой для диссертации, пожалуй, является вторая глава, посвященная прагматической интерпретации хеттских простых предложений с порядком слов OSV. Результатом данного исследования является доказательство гипотезы, сформулированной в работе Сидельцев 2017: «постулирование частотного скремблиングа поддерживается порядком субъекта и объекта в хеттской клаузе, который определяется их информационной структурой, но не их ϕ-ролями». Сидельцев указывает также на заслуги П. Худехебуре в обосновании существенного влияния прагматических конфигураций на порядок слов в хеттском языке. Следует, однако, отметить, что работы чикагской исследовательницы, невзирая на их высокий уровень и несомненную теоретическую значимость, в первую очередь затрагивают определенные конструкции, такие как частновопросительные предложения и клаузы с

действительными и анафорическими местоимениями. Подтверждение данной гипотезы на материале канонической конструкции с именными подлежащим и прямым дополнением ожидало до настоящего времени своего исследователя.

Заслуга М. А. Молиной является здесь двоякой. С одной стороны, ее статистический анализ ясно показал, что на каждые 3 предложения со структурой SOV приходится в среднем одно хеттское предложение со структурой OSV (с незначительным варьированием по текстовым жанрам, см. таблицу на стр. 78). Такая статистика в целом совпадает с ситуацией в других языках с базовым порядком слов SOV, для которых постулируется регулярная проекция актуального членения на поверхностный синтаксис. С другой стороны, М. А. Молина предприняла попытку описать коммуникативную структуру каждой из канонических клауз со структурой OSV, встретившихся в ее корпусе. Здесь она воспользовалась методом альтернативной семантики, заключающейся в определении типа прагматически маркированных категорий (тема, фокус), при помощи подстановки возможных альтернатив, иногда именуемых фокусным скелетом. С моей точки зрения, данный метод дает приблизительные результаты и должен дополняться другими методами для определения коммуникативной структуры конкретных клауз, о чем см. ниже. Тем не менее, его применение к репрезентативной группе примеров с порядком слов OSV не оставляет сомнений в том, что инвариантом их коммуникативной структуры является ее маркированность, то есть отличие от прототипической структуры с предикативным фокусом, где подлежащее является темой, а прямое дополнение – частью ремы. Таким образом, прямая корреляция между коммуникативной структурой и поверхностным синтаксисом хеттского языка доказывается не только косвенно (с применением типологии и статистики), но и эмпирически.

Заключительные две главы диссертации затрагивают более частные вопросы хеттской грамматики. Третья глава посвящена правилам постановки отрицания в хеттском языке, которое, как правило, располагается непосредственно перед глаголом, но в определенных (относительно редких) случаях находится в других позициях. Как уже упоминалось выше, конструкция с отрицанием в начальной позиции связывается с риторическими вопросами в традиционной хеттской грамматике. Корпусный анализ позволяет уточнить данное положение. М.А. Молина убедительно демонстрирует, что хотя конструкция с начальным отрицанием действительно ограничена риторическими вопросами, обратное неверно: сравнимое число примеров, выражающих риторические вопросы, содержит отрицание в приглагольной позиции. С другой стороны, в диссертации подчеркивается, что в нериторических вопросах с отрицанием заметно чаще используется вопросительное слово, то есть они являются частновопросительными (стр. 132). На этом месте невольно задаешься вопросом о корреляции самого феномена общевопросительных предложений, снабженных отрицанием, с семантикой риторического вопроса в хеттском языке. Возможно, М. А. Молина согласится ответить на этот вопрос по данным своего корпуса в ходе защиты. В любом случае, место постановки отрицания в риторических вопросах оказывается нетривиальной проблемой, решение которой, по-видимому, следует искать на путях анализа их коммуникативной структуры.

В четвертой главе обсуждаются синтаксис и семантика хеттской фокусной частицы *=pat*. Автор приводит детальную теоретическую классификацию типов фокуса и подробно обсуждает использование *=pat* для выражения идентификационного фокуса в хеттском языке. Автор выступает против гипотезы о завершившейся лексикализации сочетания *=pat* с местоимениями в данной функции, приводя убедительные контрпримеры и подчеркивая, что «частотные сочетания типа *apā(š)=pat*, *kā=pat*, *ḥūtan=pat* формируются естественным образом благодаря фокусной семантике местоимений» (стр. 152). Куда более нетривиальным, с моей точки зрения, оказывается вывод о функционировании *=pat* в качестве клитики второй позиции внутри границ фокусной группы. В тех случаях, когда границы фокусной группы совпадают с границами клаузы, обсуждаемая частица оказывается схожей по своим синтаксическим свойствам с сентенциальными частицами *=(m)a*, *=(y)a* (ср. пример (96) на стр. 159). В свете данных фактов можно выдвинуть гипотезу об этимологической связи *=pat* с лувийской контрастивной клитикой *=ba*, функциональным аналогом хеттского *=(m)a*. В качестве *tertium comparationis* здесь можно использовать палайскую частицу *=ra*, которая последовательно занимает позицию в цепочке клитик после первого ударного слова в клаузе, как в лувийском, но при этом имеет скорее идентификационную, а не контрастивную семантику, как в хеттском, напр. KUB 35.165 obv. 8 'e'=ra a-ri-e «возьми именно их».

Переходя к обсуждению недостатков выносимой на защиту диссертации, следует в первую очередь отметить, что автор недостаточно использует потенциал русского языка для решения поставленных задач. Примеры чаще всего переводятся с сохранением хеттского порядка слов, что делает их несколько искусственными, поскольку порядок слов SOV/OSV является pragmatically marked в русском языке. Здесь М. А. Молина следует традиции старых хеттологических работ, где дословность перевода обсуждаемых примеров была призвана частично компенсировать отсутствие морфологической аннотации. В настоящей же диссертации глоссирование форм является образцовым, поэтому для такой компенсационной стратегии нет никаких оснований. Между тем, выбор правильного порядка слов способен не только придать переводу большую идиоматичность, но и проиллюстрировать, а иногда и скорректировать, эмпирический анализ информационной структуры разбираемых хеттских клауз.

В качестве примера разберем предложение (27) на стр. 81, переводимое как «В городе Каска же, мол, злаки саранча съела». Предложение содержит контрастную тему *в городе Каска*, из контекста видно, что злаки являются темой (англ. *topic*), а оставшаяся часть предложения относится к реме (англ. *comment*). Автор предпочитает именовать рему информационным фокусом, но данное различие носит чисто терминологический характер. Более существенным является тот факт, что для русских предложений, где дополнение выступает в качестве темы, а подлежащее и сказуемое - в качестве ремы, наиболее естественным является порядок слов OSV: *Что произошло со злаками? Злаки съела саранча.* Поэтому перевод «В городах Каска же, мол, злаки съела саранча» способствует лучшему пониманию лингвистического анализа данной клаузы.

Для контраста рассмотрим пример (29) на стр. 82, переведенный как «Пусть моего господина боги охраняют». Я бы предложил перевести ту же самую клаузу как «Да хранят моего господина боги» или «Да хранят боги моего господина», ср. у Пушкина: «Да хранят вас литовские боги». Опять-таки, основанием для альтернативного перевода являются не только и не столько эстетические соображения, а скорее возможность проиллюстрировать особенности коммуникативной организации данного предложения. Как правильно подчеркивает М. А. Молина, в данном случае подлежащее и дополнение не противопоставляются внутри информационной структуры. В диссертации постулируется фокус на глаголе, я бы скорее считал, что в данной шаблонной формуле следует скорее реконструировать сентенциальный фокус. Подсказкой здесь является как раз русский перевод: начальная позиция глагола коррелирует с сентенциальным фокусом, то есть с отсутствием актуального членения в русском языке.

При этом следует обратить внимание, что в хеттском предложении (29) используется тот же базовый порядок слов OSV, что и в предыдущем примере, хотя их коммуникативная организация является различной, причем вне зависимости от того, принимать ли мой анализ или придерживаться интерпретации выносимой на защиту диссертации. Это связано с тем, что в хеттском языке конечная позиция глагола накладывает серьезные ограничения на структуру прагматически обусловленных конфигураций. По существу, порядок слов OSV сигнализирует лишь о том, что конструкция является прагматически маркированной, но сам по себе не дает прямых указаний на ее дальнейший анализ. Учитывая тот факт, что русский язык, подобно другим языкам с базовой структурой SVO и так называемым «свободным порядком слов», т.е. развитым синтаксическим выражением коммуникативной структуры, обладают большими возможностями для выражения контраста между прагматическими конфигурациями, русский перевод можно и нужно использовать как элемент метадискурса в рамках проводимого исследования.

Другим существенным замечанием является необходимость релятивизации метода фокусных альтернатив. Здесь хорошей иллюстрацией является пример (19) на стр. 64: «Раз уж Урхи-Тешшуб там, спроси его: так это или не так». Пудухепа, царица Хаттусы,sarcastically намекает фараону Рамсесу II, что поскольку свергнутый ее мужем бывший царь Хаттусы бежал в Египет, именно он может стать для фараона наиболее естественным источником верификации предоставляемой дипломатической информации. Таким образом, с точки зрения контекста, фокусом в клаузе *спроси его* должно быть местоимение, а более удачным переводом было бы *у него и спроси*. С другой стороны, хеттская клауза *n=ap ripiš* содержит местоименную клитику *=ap* «его», которая, как и другие местоименные клитики, не должна находиться в фокусе. Вероятным путем разрешения данного парадокса является свертывание оппозиций фокус–фон при сочетании клауз: *спроси его* становится общим фоном, а *так это или не так – общим фокусом*.

М. А. Молина пишет: «В этом контексте можно видеть два ряда фокусных альтернатив: {спроси его, не спрашивай его} {дело обстоит именно так; дело обстоит иначе}». С моей точки зрения, только второй из двух рядов является правдоподобным,

а первую фокусную альтернативу скорее можно сформулировать как {спроси его, спроси кого-нибудь другого}, хотя соответствующий фокус и оказывается подавленным на уровне поверхностного синтаксиса. Для понимания структуры данного предложения необходимо как знакомство с общим историческим контекстом переписки между Пудухепой и Рамсесом, так и понимание того, что местоименное наречие *ariya* «там» употребляется в данном случае со значением медиального дейктика «там у тебя». В целом, метод фокусных альтернатив представляется лучше применим для выделения контрастных фокусов и топиков (тем), и, кажется, может давать больше сбоев при анализе других прагматических составляющих (традиционных тем и рем). В качестве дополнительного метода в данном случае можно, как уже упоминалось выше, предложить анализ идиоматичных переводов на русский язык. Разумеется, такая методология не является четко формализуемой, а скорее апеллирует к интуиции носителей, но здесь я позволю себе усомниться в принципиальной возможности создания надежных формальных алгоритмов для анализа коммуникативной структуры текста как на хеттском, так и на русском языках.

Последнее замечание лингвистического характера касается желательности организации Главы 2 на основе группировки примеров по принципу сходства их коммуникативных структур, а не последовательного рассмотрения текстов по жанрам. Возможно, предложенный в работе принцип организации материала объясняется тем, что количество введенных формальных параметров «зашкаливает» и делает уникальным почти каждый пример. В этой связи я хотел бы поделиться личным опытом попытки описания порядка слов в арамейском языке Книги Даниила на основании прагматической трихотомии *argument focus / predicate focus / sentence focus*, предложенной в работе Lambrecht, K. 1994. *Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representations of discourse referents*. Cambridge. Не утверждая, что схема Ламбрехта является единственной возможной, я позволю себе высказать мнение, что классификация разбираемых примеров по небольшому ряду формальных параметров является необходимой предпосылкой практической значимости Главы 2 для преподавания хеттского языка.

В заключение, хотелось бы высказать несколько замечаний, не имеющих отношения к научным положениям, выносимым на защиту, но важных с точки зрения филолога. Система хеттской транслитерации, предложенная в диссертации, нуждается в унификации. Это в первую очередь касается шумерографических форм множественного числа, по-разному транслитерируемых в Германии и в Чикаго, а также несклоняемых форм имен собственных, которые в одних работах записываются как хеттские формы, а в других – как псевдоаккадограммы. Что касается формы *HATTI* для обозначения Хаттусы, ее аккадографический характер следует считать доказанным. При цитировании греческих текстов следует ссылаться не только на вторичные, но и на первичные источники (например, на книги и разделы Истории Геродота), точно так же, как это делается в диссертации по отношению к хеттским текстам. В примере (58) следует читать не *nahsarattaz*, а *nahsaraz*, в примере (87) хетт. *huyandan* означает не «узника», а «беглеца».

Несмотря на вышеизложенные замечания, работу М. А. Молиной следует оценить как самостоятельное исследование, имеющее большую научную ценность и полностью отвечающее требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в соответствии с пунктами 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного в новой редакции постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года, № 842. Мария Александровна Молина заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Автореферат и публикации М. А. Молиной отражают основное содержание диссертации.

28 января 2019 года

Доктор филологических наук

Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

И.С. Якубович

Сведения об оппоненте

Принимаю Якубович И.С.
УДОСТОВЕРЯЮ
Ученый секретарь ФГБУН ИВ РАН
А.В. Демченко
«29» января 2019 г.

Илья Сергеевич Якубович, доктор филологических наук

специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

119121 г. Москва, 1 Неопалимовский пер., д. 11/22, кв. 1

Тел. (926) 781-18-46

E-mail: sogdiana783@gmail.com

URL: www.ivran.ru/persons/IlyaYakubovich

Сведения об организации

ФГБУН «Институт востоковедения РАН», Отдел языков

107031, г. Москва, ул. Рожественка, д. 12

Тел./факс (495) 621-18-84

E-mail: info@ivran.ru

URL: www.ivran.ru